

66

9(М) -
Т56

В. ТОМИН, С. ГРАБОВСКИЙ

**ПО СЛЕДАМ
ГЕРОЕВ
БЕРЛИНСКОГО
ПОДПОЛья**

37404

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1964

«Не без колебаний приблизился Алексей Писов к двери невзрачного дома на Кёпеникерштрассе. А вдруг все это провокация? И тогда — опять все то, от чего ушел с таким трудом... Перед его глазами снова ожили ужасы гитлеровских тюрем и лагерей, пытки и истязания в гестаповских застенках.

Да, прежде чем постучаться в эти двери, стоило как следует подумать. Накануне вечером, возвращаясь в лагерь, Алексей увидел у подъезда на стене дома листовку: «Обращение к иностранным рабочим». Немецкий язык он знал плохо, прочитать листовку не смог, но название и особенно подпись «Коммунистическая партия. Берлин» он понял. Его поразило это случайное открытие. Здесь есть коммунисты?! Во что бы то ни стало он должен найти их, чтобы участвовать в их героической, неравной борьбе».

В предлагаемой читателям книжке рассказывается о том, как бежавший из плена Алексей Писов нашел путь к немецким подпольщикам и вместе с другими советскими гражданами стал активно участвовать в распространении нелегальных листовок среди иностранных рабочих.

Разыскивая участников берлинского подполья, авторы шаг за шагом прослеживают путь героев, раскрывают читателям новые имена и судьбы, повествуют о мужестве и стойкости тех, кто плечом к плечу с немецкими антифашистами боролся против гитлеровской диктатуры в столице рейха.

Поиски тех, кто участвовал в берлинском подполье, не окончены. Вероятно, в этом поиске захотят принять участие и читатели книжки. Мы уверены — пройдет немного времени, и станут известны новые факты о той героической борьбе, которую вели наши люди вдали от Родины, в логове фашизма — Берлине.

В ПОИСКЕ

Мы уже приближаемся к 20-й годовщине нашей великой победы над гитлеризмом. Но чуть ли не каждый день со страниц газет, журналов, книг, с телевизионных экранов и из радиорепродукторов узнаем мы о новых, доселе неизвестных подвигах защитников Родины, узнаем имена удивительных героев, оставшиеся до сих пор неведомыми. Что ж, это понятно: и условия войны, особенно в ее первые годы, были невероятно тяжкими для нас, да и в послевоенный период трагические сложности, связанные с культом личности Сталина, отнюдь не способствовали правдивому и полному выяснению героической истории нашей борьбы против гитлеровцев, тем более таких ее сторон, как антифашистское сопротивление в плену или в глубоком тылу врага.

Только в последние годы история Великой Отечественной войны начинает наверстывать упущенное. Среди журналистов, историков, писателей появляются все новые «искатели» — люди, предпринимая порой многолетнюю исследовательскую работу, долгие поиски архивных документов и живых свидетелей, чтобы потом в своих книгах раскрыть перед народом еще одну удивительную страницу его героической биографии, назвать неизвестные до того имена славных героев. Можно сказать, что на наших глазах рождается особый «поисковый» жанр литературы и журналистики,

с каждым днем завоевывающий все большую популярность у читателя.

Молодые историки и литераторы В. Томин и С. Грабовский работают именно в этом новом интересном жанре. Их книжка «По следам героев берлинского подполья» — плод долгих архивных изысканий, поездок, переписки, поисков очевидцев и участников событий. Книжка эта тем любопытна для нас, что в ней идет речь о своеобразном интернациональном подполье, которое действовало в самом сердце гитлеровской Германии и участниками которого были боровшиеся бок о бок немецкие антифашисты и советские люди.

Современная Германская Демократическая Республика возникла не просто в результате разгрома гитлеровской Германии Советскими Вооруженными Силами. На ее земле родились великие идеи Маркса и Энгельса, она всегда гордилась именами таких славных революционеров, как Август Бебель, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Эрнст Тельман. Революционный дух немецкого народа не мог быть до конца раздавлен сапогами фашистских штурмовиков и изощренными палачами гестапо. В самые темные и страшные времена гитлеровской диктатуры и гиммлеровского террора десятки и сотни истинных патриотов Германии продолжали борьбу в глубоком подполье в невероятно тяжелой обстановке, всегда полной смертельных опасностей. Большинство имен этих борцов, быть может, навеки останутся неизвестными — они бесследно исчезли в стенах гестапо. Но такие имена, как Шульце-Бойзен, Харнак, Зефков, и некоторые другие уже вырваны из небытия и вошли навсегда в славную историю антифашистского подполья.

Не случайно рядом с этими именами стоят имена советских людей. Представители авангарда борьбы против гитлеризма, наши соотечественники оставались бойцами повсюду, куда бы ни забросила их судьба. И там, в гитлеровской Германии, в самом Берлине, они сумели также занять свое место в строю борцов. С гордостью узнают наши читатели о мужестве и героизме своих земляков, которые в бесконечно трудных условиях фашистской столицы нашли возможность внести свой вклад в победу советского народа над врагом.

Поиск В. Томина и С. Грабовского еще не закончен.

Открыты лишь первые страницы истории берлинского подполья. Еще предстоит узнать многие обстоятельства этой борьбы, выяснить дела и судьбы многих героев-подпольщиков. Но уже этот первый очерк, несомненно, вызовет интерес читателей, и они с нетерпением будут ждать дальнейших изысканий авторов, которым стоит пожелать полного успеха в их нелегком и кропотливом исследовании.

С. С. Смирнов

содержащие указанные сведения

отсутствуют в Едином государственном реестре юридических лиц, на основании заявления

Выписка из ЕГРЮЛ
06.10.2020 11:24:05

ОГРН 1165022050720

Страница 8 из 21

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ НА АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ

На площади Александерплац ежедневно толпились люди. Они были одеты по-разному, одни в новых костюмах и платьях, другие — в поношенной одежде.

Берлин. Площадь Александерплац

Большинство из них были иностранцами, рабочими многочисленных берлинских заводов и фабрик.

Сюда, на Александерплац, приходили чехи, поляки, французы приобрести что-нибудь из одежды, выменять табак за продовольственные талоны. Здесь, на «тол-

кучке», завязывались деловые знакомства, происходил обмен новостями. Полицейские смотрели на толпившихся людей сквозь пальцы, так как никаких указаний по этому поводу от начальства не имели.

Жарким июньским днем, во время одной из своих прогулок, забрел сюда и Сергей Петроченков. У афишной тумбы громко спорили двое. Парень лет двадцати возбужденно доказывал пожилому человеку, что тот ничего в грибах не понимает. У них на Смоленщине белых грибов больше, чем в Подмоскowie.

Сергей придвинулся к спорившим поближе. И не утерпел, спросил:

— Откуда ты, земляк?

— А ты?

— Из Копыревщины, Ярцевского района.

— А я из города Духовщины. Значит, верно, мы земляки, — он протянул Петроченкову руку.

— Андрей Черняев.

Через полчаса втроем — Сергей, Андрей и его приятель Павел Сафонов зашагали к ближайшей станции городской железной дороги. Прощаясь, договорились о следующей встрече.

Так же как и большинство других, Андрей Черняев был привезен в Берлин насильно.

Когда началась Великая Отечественная война, его брат Александр ушел на фронт. Дома остались лишь женщины, старики и дети. Андрей рвался на фронт, но его не отпускали. Он работал заведующим телефонно-телеграфной станции в Духовщине. Гитлеровцы вскоре заняли город. Семья Черняевых попыталась пешком

АНДРЕЙ ЧЕРНЯЕВ

добраться до линии фронта. Но потерпела неудачу и вернулась назад.

В небольшом городе жители хорошо знают друг друга и кто-то сообщил немцам, что Андрей до войны был в армии и что он комсомолец. Его вызвали в комендатуру и предложили искупить свою прошлую «вину» службой в полиции. Он пришел в тот день домой взбешенный наглостью оккупантов. Прощаясь с отцом, Андрей сказал:

— Обо мне не беспокойся. Смерть мне не страшна, позор — страшнее смерти. Никогда я не стану изменником Родины. Мои братья на фронте бьются с фашистами, а меня эти сволочи здесь хотят сделать полицаем?! Уйти к партизанам нельзя — из-за меня всех вас немцы повесят. Помочь вам я ничем больше не могу. Пусть забирают меня, но полицаем не стану!

В один из пасмурных осенних дней 1942 года Андрея увели из дому. Вместе с другими жителями Духовщины его вывезли в Германию на фашистскую каторгу. Он оказался в авторемонтной мастерской фирмы «Ленц-Бутенут», которая находилась на Мекленбургштрассе.

Андрей Черняев особенно сдружился с Сафоновым, бывшим военнопленным, которому после побега удалось достать документы «восточного» рабочего. Вместе с ними здесь работал Николай, которого все называли почему-то Нико. Его прошлого никто точно не знал, так как одним Нико рассказывал, что был танкистом, другим — моряком, попавшим в плен под Севастополем. «Моряк» был заносчив, груб, и Андрей всячески избегал его. Когда человек врет, лучше держаться от такого подальше.

В день встречи с Черняевым Петрович в лагерь опоздал и был наказан. По приказу мастера его посадили в «бункер». Так назывались двухметровые металлические будки цилиндрической формы, диаметром около 70 сантиметров. Для прохода воздуха в них была прорезана узкая щель. Сергей пробыл в таком бункере шесть часов. Ни есть, ни лечь в этой будке нельзя. Ноги ныли. Он был страшно зол, но не жалел об опоздании. Зато познакомился с земляком.

Они стремились к активной борьбе, считая, что жить просто так и ждать, когда придет освобождение, — нельзя.

Андрей познакомил Павла и Сергея со своей приятельницей Зиной, которая до войны жила в Краснодарском крае. Когда ее станицу заняли оккупанты, девушку вывезли в Германию. Зина и ее подруги работали уборщицами в районном доме фашистской организации «Гитлерюгенд». Молодые нацисты старательно изучали науку убийства. Вместе со своими наставниками — эсэсовцами они регулярно, несколько раз в неделю, выезжали на полигон, где обучались стрелять. Девушкам удавалось выкрадывать патроны, и Зина передавала их Андрею.

Патроны нужны были друзьям Павла Сафонова, которые, работая на минном заводе, сумели тайком смастерить себе самодельные пистолеты. «Минеры» совершали нападения на полицейские посты у продовольственных магазинов, чтобы достать продукты для себя и товарищей по неволе. Андрей и Павел охотно помогали своим боевым товарищам. Частым гостем у «минеров» стал и Сергей Петрович. У него скоро также появился самодельный пистолет.

ЛЕТЧИКА ЗВАЛИ САШЕЙ

В один из весенних дней 1944 года во время налета советской авиации на Берлин на окраине города, в районе Шпандау, приземлился парашютист. Ему повезло — он опустился на пустыре, около лесочка. Первыми его заметили трое украинских хлопцев с нашивками «Ost» на груди.

Парашютист оказался летчиком с подбитого зенитчиками советского бомбардировщика. Он был легко ранен и в довершение при падении ушиб ногу. Ребята принесли ему штатское платье, переодели. Военную форму унесли и зарыли в лесу. Один из хлопцев помог летчику укрыться в полуразрушенном подвале разбитого дома и дежурил до вечера возле него. Когда стемнело, ребята доставили летчика в лагерь, где они жили.

Следующий день раненый пролежал в бараке на нарах. Несколько раз заходил в помещение пожилой мужчины. Он принес лежавшему суп, но тот даже не притронулся к нему: болела нога. Вечером, около семи часов, в барак пришли спасители летчика, и с ними какой-то незнакомый парень, которого они называли Андреем. Раненому помогли одеться, дали самодельные костыли. Он пролез через тайный проход в ограде и помахал рукой провожавшим его хлопцам.

По городской железной дороге Андрей, Павел и летчик благополучно доехали до станции Вильмерсдорф. Темными переулками прошли на улицу Штарнбергерштрассе, к угловому пятиэтажному дому. Павел попрощался и остался на улице, недалеко от дома. Андрей вошел с летчиком в знакомый подъезд.

Дверь открыла женщина с утомленным худым лицом. Хозяйка, которую Андрей назвал Марией, молча впустила гостей в квартиру, усадила летчика за стол. Через несколько минут в комнате появился широкоплечий парень. Он держался спокойно и уверенно, от его фигуры веяло большой физической силой. Своими крупными руками он бережно обнажил поврежденную ногу летчика, осмотрел ее. Затем на больное место наложил вату и крепко забинтовал.

Дом, в котором жила семья Вилли Крюгера

Как только раненого перевязали, Андрей попрощался и ушел. Мария вместе с сыном помогла летчику сойти в подвал, где ему была приготовлена постель. Его покормили, напоили чаем, а Курт оставил на ночь пачку сигарет.

Летчика звали Сашей. О себе он рассказывал мало, а хозяева и не спрашивали его. Он понимал, что немцы рискуют жизнью, укрывая его, советского офицера, в своей квартире, и был полон благодарности к этим незнакомым людям. Ему было совершенно очевидно, что так могут поступать только настоящие герои, для которых верность долгу дороже собственной жизни.

Берлин спал. Лишь изредка где-то рядом проезжала машина да иногда проходил ночной патруль...

* *
*

Вилли Крюгер смотрел, как сын ловко бинтовал Саше раненую ногу. С большим трудом, благодаря помощи товарищей Крюгеру удавалось доставать необходимые медикаменты и бинты.

Вспоминая забытые русские слова, он расспрашивал летчика о Советском Союзе, о Москве. Тот охотно рассказывал ему о жизни советских людей, о тяжелых боях, которые ведет Советская Армия на фронте. Оба мечтали о будущем, о победе над фашизмом. Они верили, что это будет скоро.

Прошло больше десяти дней. Нога летчика стала заживать, и Саша, оставив костыли, начал передвигаться по своему убежищу с помощью палки, которую ему смастерил Курт. Иногда он даже поднимался наверх, в столовую, чтобы украдкой посмотреть из-за занавески в окно — «как выглядит Берлин — столица фашистского рейха».

Однажды Вилли Крюгер где-то задержался. Обычно он заранее предупреждал, что придет поздно, а сегодня, уходя на работу, ничего не сказал...

Мария забеспокоилась. Было уже десять часов вечера, а Вилли все не было. Неужели что-то с ним случилось?

Она накинула плащ и вышла. Через десять минут вернулась и спустилась в убежище, где спал советский летчик.

— Саша! Саша! — шепотом разбудила его Мария. Тот проснулся сразу, протер глаза и с тревогой посмотрел на взволнованную женщину. — Скорее поднимайся за мной наверх, — сказала она.

Летчик взял свою палку и зашагал по лестнице вслед за Марией Крюгер. Они тихо поднялись на третий этаж. Дверь одной из квартир была открыта.

— Заходите, заходите! — послышался звучный женский голос. Молодая девушка радушно пригласила их войти. Комнаты были большие и светлые, уставлены красивой, дорогой мебелью. Толстые ковры заглушали звук шагов. Александр с удовольствием опустился в мягкое кресло.

Мария, о чем-то договорившись с девушкой, скоро попрощалась и заторопилась домой.

Девушку звали Аней, она была вывезена в Германию еще в 1942 году. Вот уже больше года служила Аня домработницей в семье высокопоставленного эсэсовского офицера. Сейчас хозяев не было дома, они уехали на две недели в Южную Германию отдыхать.

Аня объяснила Саше, что он должен пожить здесь несколько дней, так как Мария беспокоится, не арестовали ли ее мужа Вилли. Там, в квартире Крюгеров, гестаповцы могут схватить его, а здесь ему будет безопасно. Фашистам никогда в голову не придет, что советский летчик может скрываться в квартире гитлеровского офицера!

Александр остался. Аня старалась изо всех сил, чтобы подкормить и вылечить гостя. Достала где-то настоящее сливочное масло, голландский сыр и другие продукты.

Сашу скоро опять стали навещать друзья — пришел посмотреть рану «доктор» Курт, забежала Мария... В тот тревожный вечер ее беспокойство оказалось напрасным. Вилли задержался на работе, ему пришлось провозиться с ремонтом лифта допоздна. Поэтому тогда он и пришел ночью.

В субботу, после обеда, когда еще было светло на улице, вместе с Куртом в квартиру эсэсовца пришел Андрей Черняев. Он объяснил Саше, что договорился с одним хозяином — землевладельцем, которому очень нужны рабочие, и тот возьмет летчика к себе. Его хозяйство находится недалеко от Берлина и за несколько

часов на электричке они доберутся туда. Там будет безопаснее, чем здесь.

Летчик надел пальто, шляпу, крепко пожал руку Ане и попросил Курта, чтобы он передал сердечное спасибо матери и отцу за заботу, гостеприимство, за подвиг, совершенный во имя спасения его жизни.

Двое мужчин вышли из подъезда дома № 3 по Штарнбергерштрассе и зашагали к станции городской железной дороги.

С тех пор прошли годы, но о судьбе летчика, спасенного семьей коммунистов Крюгеров, пока ничего не известно. Куда он исчез, где сейчас? — этого мы еще не знаем...

ВО ИМЯ БУДУЩЕГО ГЕРМАНИИ

После разгрома немецко-фашистских войск у Волги и провала наступления под Курском банкротство авантюристической политики Гитлера стало очевидным. Среди многих немецких солдат и офицеров, взятых в плен, усилились антифашистские настроения.

ЦК КПГ принял действенные меры, чтобы способствовать созданию руководящего центра движения антифашистов. Партийные активисты предпринимали поистине героические усилия, чтобы организовать в крупнейших городах, промышленных центрах Германии «объединенные комитеты по руководству Сопротивлением из коммунистов, социал-демократов и представителей интеллигенции».

Еще в начале 1943 года во многих советских лагерях для военнопленных германской армии стали возникать антифашистские группы. На учредительной конференции, состоявшейся в Красногорске, под Москвой, 12—13 июня 1943 года, был создан Национальный комитет «Свободная Германия». В состав НКСГ вошли представители различных слоев — немецкие солдаты и офицеры, рабочие и крестьяне, профсоюзные работники и коммунисты, люди самых различных политических взглядов. Президентом НКСГ был избран пламенный антифашист — известный писатель и поэт Эрих Вайнерт.

НКСГ обратился к немецкому народу и германской

армии с манифестом, который излагал широкую программу антифашистской борьбы. В основе ее стояла главная задача — свергнуть гитлеровский режим антифашистскими силами немецкого народа и прекратить войну. «Гитлер ведет Германию к гибели... Час крушения близится, — говорилось в манифесте, — никогда ни один внешний враг не приносил нам, немцам, столь тяжкие бедствия, какие причинил Гитлер... Война проиграна... Германия может продержаться еще некоторое время лишь ценой неизмеримых жертв и лишений... Немецкий народ нуждается в мире и притом безотлагательно...»

Создание Национального комитета «Свободная Германия» способствовало распространению антифашистских идей среди немецких солдат и офицеров на фронте и в тылу Германии. Число активных противников гитлеровского режима увеличивалось как в армии, так и в народе.

Немецкие коммунисты, находившиеся в подполье на территории Германии, рассматривали НКСГ как организацию, которая призвана объединить борьбу всех патриотических сил немецкого народа.

Руководители берлинского подпольного центра — А. Зефков, Ф. Якоб через Швецию установили связь с ЦК КПГ и НКСГ и даже попытались наладить прямую радиосвязь с партийным руководством, находившимся в Советском Союзе.

После создания Национального комитета «Свободная Германия» немецкие коммунисты — руководители берлинской, саксонской, тюрингской организаций Сопротивления предприняли шаги с целью создания общегерманского оперативного руководства КПГ.

Активную роль в этом сыграла берлинская коммунистка Юдит Ауэр, которую большинство людей знали под именем Зузи. Она работала агентом по снабжению на кабельном заводе в Обершпрее, в юго-восточном районе Берлина.

Зузи использовала свои служебные поездки для выполнения заданий подпольной организации. Еще в 1943 году ей удалось установить контакт, а затем осуществлять постоянную связь с самой крупной нелегальной организацией Сопротивления в Тюрингии, которой руководил бывший депутат рейхстага от КПГ

Теодор Нейбауэр. Он вместе с Магнусом Позером, бывшим функционером иенской организации КПГ, в начале 1942 года создал разветвленную антифашистскую организацию Сопротивления, которая объединила подпольщиков в Эрфурте, Веймаре, Готе, Эйзенахе, Иене и других городах.

Берлинской организации удалось установить братский контакт с подпольной организацией саксонских коммунистов, которыми руководил Георг Шуман — один из старейших германских коммунистов, соратник К. Либкнехта и Р. Люксембург.

После шестилетнего заключения в концлагерях Георг Шуман жил в Лейпциге. Тюрьмы и лагеря не сломили воли неукротимого коммуниста. Вместе с другими рабочими он создал подпольные ячейки антифашистской организации на многих предприятиях Лейпцига, установил связи с антифашистами Мансфельда, Дрездена, Галле, Магдебурга, Хемница и других городов Средней Германии. В Лейпциге подпольщики организовали подпольную типографию, где с апреля 1944 года стала издаваться нелегальная газета «Видерштанд» и печатались антифашистские листовки и прокламации для иностранных рабочих и военнопленных.

Зефков, Якоб, Бестлейн, Нейбауэр, Шуман установили тесное сотрудничество. Были проведены нелегальные совещания, на которых обсуждались важнейшие проблемы борьбы против фашистского режима, наладился обмен информацией и антифашистской литературой.

Весной 1944 года члены оперативного руководства КПГ разработали программный документ, который назывался «Коммунисты и Национальный комитет «Свободная Германия»». Экземпляр этого документа был переправлен даже для обсуждения в концлагерь Заксенхаузен, где находились многие видные функционеры КПГ. После этого заключенные-коммунисты в письме изложили подпольщикам ряд своих замечаний и предложений. Члены саксонской организации Г. Шумана попытались передать документ Эрнсту Тельману, находившемуся в то время в дрезденской тюрьме Баутцен, но сделать это им не удалось. Тюремщик, согласившийся выполнить поручение подпольщиков, был арестован гестапо.

Документ «Коммунисты и Национальный комитет «Свободная Германия»» конкретизировал программу антифашистской борьбы, помогал правильной политической ориентации подпольщиков.

СОЛИДАРНОСТЬ — ТОЖЕ ОРУЖИЕ

29 января 1944 года во время воздушной бомбардировки была повреждена берлинская тюрьма Плётцензее. Некоторые из заключенных, воспользовавшись суматохой и растерянностью тюремной охраны, бежали... Среди спасшихся был «смертник» — гамбургский рабочий-коммунист Бернгард Бестлейн. В тот же день, когда он ехал на явочную квартиру, Франц Якоб случайно увидел его в вагоне электрички. Но старые товарищи не заговорили друг с другом, так как Ф. Якоб не знал, что Б. Бестлейну удалось бежать из тюрьмы и опасался провокации.

Они хорошо знали друг друга по совместной работе в Гамбурге. Летом 1933 года Б. Бестлейн, только что избранный депутатом рейхстага, был арестован и приговорен к 20 месяцам каторжной тюрьмы. После отбытия заключения его отправили на пять лет в концлагерь Эстервеген, затем — в Заксенхаузен. Он был освобожден только после семилетнего пребывания в тюрьмах и лагерях.

В октябре 1942 года Б. Бестлейн был снова арестован, пытался бежать, но был ранен в ногу и схвачен. Фашистский суд обвинил его в том, что «в 1941 и 1942 годах в Гамбурге и других городах Германии он создавал заводские коммунистические организации, подготавливая государственную измену». Б. Бестлейна должен был судить берлинский суд, и для этого обвиняемого доставили в тюрьму Плётцензее, откуда он, наконец, бежал...

Ему скоро удалось связаться с А. Зефковым и Ф. Якобом, и они вместе составили руководящее ядро подпольной организации берлинских коммунистов.

В феврале 1944 года члены нелегального центра возобновили контакт с антифашистской группой «Иннере фронт», которая после ареста Д. Зига, В. Гуддорфа и других подпольщиков продолжала свою работу под руководством Отто Грабовски и Эрнста Зибера.

В небольшом дачном домике, рядом со станцией Вальтерсдорф, собирались члены группы — посоветоваться, послушать передачи станции «Дейче фольксзендер», последние новости из Москвы. Полученная информация использовалась подпольщиками для подготовки текста антифашистских листовок. Несмотря на испытываемые трудности, издание информационного бюллетеня «Иннере фронт» не прекращалось, с июля 1943 года по июль 1944 года было выпущено десять номеров, каждый по 50—60 экземпляров.

Эта группа имела ячейки на предприятиях «АЕГ» в Обершёневейде и Трептове, на кабельном заводе в Обершпрее, на военном заводе «Даймлер-Бенц» в Мариенфельде и на других заводах Берлина.

С февраля 1944 года большая часть группы «Иннере фронт» перебазировалась в северный пригород столицы, в район станции Лениц, где продолжала подпольную работу под руководством Г. Плюшке и Ш. Бишофф вплоть до конца войны.

Воспитанные в духе верности идеалам марксизма-ленинизма, немецкие коммунисты в тяжелые годы фашистского варварства и войны остались убежденными сторонниками принципов пролетарского интернационализма. В циркулярном письме, авторами которого были А. Зефков, Ф. Якоб и Б. Бестлейн, говорилось, что главной задачей момента является укрепление солидарности с военнопленными и иностранными рабочими.

Руководители берлинского подпольного центра писали: «Мы никогда не поступаем из благотворительности во имя самой благотворительности... и помогаем иностранным рабочим, исходя из нашего пролетарского классового сознания, с тем чтобы совместно с ними опрокинуть нашего общего врага».

Слово немецких коммунистов подкреплялось делом. Так, на военном предприятии «Штеффен и Нюлле» (Темпельхоф) коммунистическая ячейка, возглавляемая Е. Рейхардтом, действовала в тесном контакте с советскими, французскими, польскими и чешскими военнопленными и рабочими. Немцы снабжали своих иностранных товарищей продовольствием, табаком, одеждой и деньгами. Подпольщики-коммунисты изготавливали антифашистские листовки, которые распространяли не только на своем заводе, но и на других предприятиях.

Им удалось с помощью Эрнста Нильсенса и советского офицера, лейтенанта Василия Погонина, организовать ячейки Сопротивления в лагерях для советских военнопленных и «восточных» рабочих.

Берлинский коммунист Вилли Хильшер, опираясь на помощь товарищей антифашистов, создал группу Сопротивления на военном предприятии «Бергман-Борзиг АГ», которая имела особенно прочный контакт с лагерем военнопленных в Вильгельмсру. Члены группы помогли бежать из лагеря советскому офицеру — майору, достали ему подложные документы и устроили на конспиративную квартиру. Перед советским майором (имя и фамилия которого, к сожалению, остались пока неизвестны) была поставлена задача — создать вооруженные группы и готовить их к схватке с врагом. Такие группы были созданы.

Антифашисты с завода «Бергман-Борзиг АГ» были тесно связаны с советскими военнопленными и «восточными» рабочими, находившимися в Нейкельне, Виттенау, Бланкенфельде и других районах Берлина. Подпольщики регулярно проводили совещания, на которых обсуждались вопросы дальнейшего усиления борьбы

Комната, в которой происходили совещания руководителей берлинского подполья (квартира Вилли Крюгера)

с нацизмом. Эти встречи проходили, как правило, у канала Вильгельмсру в Бергфельде.

В результате активной деятельности берлинских коммунистов к весне 1944 года организация Зефкова — Якоба — Бестлейна имела свыше пятидесяти антифашистских групп и ячеек, созданных на предприятиях города.

ПЛАМЯ НАД ЭРКНЕРОМ

В первых числах мая 1944 года Андрей попросил Сергея прийти к станции «Крумме Ланке». Сказал, что будет ждать его там с одним интересным человеком. В тот день Петрович выехал из Вейсензее за час до назначенного времени. Несколько раз пересаживался с одной электрички на другую, путая следы, прошел значительную часть дороги пешком, а за пятнадцать минут до встречи опять сел в вагон городской электрички. Как только Сергей появился у остановки, к нему сразу же подошел Андрей.

— Идем, — произнес он.

Они прошли только несколько шагов, когда к ним присоединился незнакомец — худощавый, среднего роста человек. Андрей представил его.

Черняев объяснил Петровичу, что товарищ Крюгер хочет познакомиться с ним, так как ему рассказывали, что Сергей хорошо знает технику минного дела. Вилли Крюгер спросил, может ли Петрович сделать самодельную мину. Подумав, Сергей согласился. Они втроем прошли еще несколько минут. Кивнув головой на прощание, Крюгер свернул в переулок.

Черняев рассказал товарищу, что вот уже несколько месяцев выполняет поручения Крюгера, что тот очень опытный подпольщик и связан со многими районами Берлина. По его заданию они с Павлом уже достали несколько килограммов тола — выменяли у ребят на минном заводе в Шпандау...

*
*
*

Со времени встречи на станции «Крумме Ланке» прошло несколько дней. В первое же воскресенье Сергей Петрович, Андрей Черняев и Павел Сафонов

принялись за работу. Они разместились в просторном подвале разрушенного при бомбежке дома. Через пробитый потолок падал свет, и им хорошо была видна заваленная щебнем и битыми кирпичами улица.

Большую консервную банку плотно заполнили толлом. Очень долго «минеры» не могли придумать, как добиться, чтобы детонатор сработал в назначенное время. Самодельный бикфордов шнур был ненадежным, и с ним было много хлопот. Сергей предложил использовать автоспуск от старого фотоаппарата. Они поразмыслили и решили попробовать. В качестве детонатора использовали взрыватель от гранаты. Испытания прошли успешно.

Когда Черняев сообщил Крюгеру, что все готово, тот попросил позвать товарищей в следующее воскресенье к нему домой, на Штарнбергерштрассе.

* *

*

Ночью прошла гроза, и мелкий, противный дождь моросил весь день. Петроченков и Куницкий в 12 часов были около указанного им места. Еще накануне Андрей показал Сергею этот пятиэтажный дом и подъезд, в котором помещалась квартира Крюгеров. Они должны были попасть туда сразу, без расспросов, чтобы не привлекать внимания посторонних.

Дверь им открыл Вилли Крюгер. Он был уже знаком с Петроченковым и поэтому сразу переключил все свое внимание на другого гостя. Старик привлек его любопытство своей белой, пышной бородой: «как у Льва Толстого». Держался «бородач» спокойно и с достоинством, на вопросы Крюгера отвечал немногословно. Несмотря на скупые ответы, Куницкий понравился ему. Крюгер попросил его прийти в следующее воскресенье, но одному... и без бороды — она делает его слишком заметным.

Михаил Андреевич хорошо понял Крюгера. В тот же вечер в бараке Петр Гусев безжалостно откомсал патриаршую бороду Куницкого и тщательно побрил его.

С нетерпением Михаил Андреевич считал дни, дожидаясь следующей встречи. Он догадывался, что предстоит важный разговор и, может быть, даже интересное дело.

Наконец этот день настал: они встретились — советский и немецкий коммунисты.

В знакомой комнате, у стола, рядом с Вилли сидел какой-то мужчина. Он поздоровался с Куницким, назвался:

— Курт.

Вилли Крюгер попросил Куницкого немного рассказать о себе, так как представитель подпольного комитета хочет с ним познакомиться.

Михаил Андреевич начал говорить о том, как попал сюда... в Берлин.

Крюгер тихо переводил его ответы Зефкову... Вилли знал, что эта встреча имела для всех огромное значение... Антон предложил организовать подрыв мостов, железнодорожных путей, военных объектов, с тем чтобы помешать транспортировке войск, оружия, боеприпасов и других военных материалов на фронт.

Зефков советовал привлечь к этой работе не только немецких рабочих, но и иностранцев, и в первую очередь советских людей, среди которых можно найти хороших специалистов, знатоков подрывного дела. Когда он узнал, что эта возможность представилась, то решил лично участвовать в совещании с «москвичом»...

Куницкий сообщил Вилли, что с помощью знакомых немцев и русских эмигрантов регулярно получает информацию о событиях на фронте. Он и его товарищи Петр и Сергей хотят активно участвовать в борьбе против гитлеровского режима, которую ведут немецкие антифашисты.

— Вы согласились бы помочь нам? — спросил Крюгер Куницкого, когда закончил свой рассказ. — Надо проводить одного русского товарища в район станции Эркнер... Мы предлагаем вам принять участие в диверсии...

Михаил Андреевич ответил не задумываясь:

— Мы готовы.

Прошла неделя. В тот памятный день Куницкий пришел в Трептов-парк вместе со своим юным другом — Петей Гусевым. Оба волновались: предстояла опасная операция. Они прошли по пустынной аллее, повернули обратно. Михаил Андреевич огляделся.

На крайней скамейке сидел парень в коричневом костюме, на коленях у него лежал черный небольшой

чемоданчик. Увидев Куницкого, он достал из верхнего кармана пиджака сигарету и попросил огня. Куницкий ответил условным паролем:

— Курить бросил, а спички есть.

Они поздоровались. Михаил Андреевич зашагал дальше, за ним, сжимая в кармане пистолет, шел Петр. Сзади — парень. На автобусе они доехали до станции электрички, пропустили один поезд, сели в другой. В окнах замелькали небольшие аккуратные домики — пригород Берлина. Наступали сумерки, но света в окнах домов не было. Светомаскировка соблюдалась очень строго. Ехали недолго, около двадцати минут.

На станции Эркнер они вышли из вагона. Впереди Куницкий, за ним парень с чемоданчиком и в отдалении Петр Гусев. Оглядываясь, они медленно пошли по узкой тропинке, проходившей в негустом лесочке. Куницкий хорошо запомнил план, который рисовал ему Крюгер, он вел товарищей по левой стороне железнодорожного полотна — в сторону города...

Накануне, вместе с Вилли, Михаил Андреевич выезжал сюда, к месту диверсии. Они выбрали этот перегон — от станции Эркнер до Кёпеник. Очень удобное место, лучше не придумаешь. Домики местных жителей не близко стоят к железнодорожному полотну, путь здесь скрыт лесом и кустарником. И, что очень важно, нет постоянной охраны дороги. Только иногда, 2—3 раза в день, проезжает дрезина с патрулем. Поезда идут часто, и тот, который пойдет сегодня, должен везти боеприпасы на Восточный фронт.

Эшелон пройдет точно — вовремя, так сказали знакомые железнодорожники Крюгеру. Что ж, пусть идет, его встретят, как надо...

Около поворота колеи Куницкий задержался. Вокруг виднелись листовые деревья — пустынный, молчаливый лес. Парень с чемоданом внимательно осмотрел стыки железнодорожных рельсов, выбрал подходящее место и нагнулся. Его руки стали проворно раскапывать мягкую почву.

Михаил Андреевич, а за ним и Петр вошли в лес, сели на теплую, покрытую листьями землю.

В это время их спутник — минер извлек из чемоданчика круглую банку-мину. В небольшом углублении — ямке он осторожно установил ее. Не торопясь, посмотрел

на свои часы. Казалось, что время застыло и минуты тянутся вечно...

Но вот наконец минер поднялся с колен, оглянулся и, на ходу отряхивая песок с брюк, быстро зашагал к ним. Втроем они побежали влево, в сторону от железнодорожного полотна. До появления эшелона оставалось несколько минут.

И вот раздался взрыв. В столбе пламени взметнулись обломки вагонов, зарево охватило редкий лес. Когда подпольщики перебежали шоссе, на ней послышались сирены пожарных машин, мчавшихся из города в сторону станции Эркнер. Мина сработала вовремя. Немецкий эшелон с боеприпасами никогда не придет на Восточный фронт.

Только прощаясь, Куницкий узнал имя отважного минера — его звали Виктор Никитин, он работал на минном заводе в Шпандау. На это задание он пошел по просьбе Андрея...

Берлинские газеты тогда сообщили, что в районе станции Эркнер произошла железнодорожная катастрофа. Но жители, находившиеся неподалеку от места взрыва, не поверили фашистской «утке». Многим из них было ясно, что эшелон подорвался в результате диверсии, которую осуществили отважные люди — враги рейха!

ЦЕНА ЖИЗНИ

Сентябрь 1944 года. Город по-осеннему хмур и неприветлив. Редкие прохожие спешат домой.

Черная приземистая автомашина свернула в переулок. Остановилась. Из машины вышли четверо. Один остался. Трое уверенно двинулись дальше — к большому угловому дому. Подошли, посмотрели эмалированную табличку с надписью «Штарнбергерштрассе, 3» и вошли в подъезд.

— Вы привратница этого дома? — спросил высокий мужчина.

Пожилая женщина со спокойными, большими глазами на изможденном лице кивнула:

— Да, я.

— Имя, фамилия?

— Мария Крюгер.

— Мы из гестапо. Покажите квартиру.

Начался обыск. Рылись повсюду — в комнатах, на кухне. Выброшенная из шкафа одежда летела на пол, на кухне со звоном падала посуда.

Пока шел осмотр комнат, Мария особенно не волновалась. Она не была новичком в подпольной работе. У них в квартире не было ничего, что могло бы навести гитлеровских ищеек на след антифашистской деятельности их семьи. Старый функционер КПП, Мария знала, что рискует жизнью ежеминутно, и все-таки выбрала единственно честный путь — путь борьбы. Сейчас ее беспокоило только одно: где Вилли?

— Где муж?

Острые, злые глаза руководившего обыском офицера уставились на нее.

Мария Крюгер чуть усмехнулась:

— Вы, наверное, лучше меня знаете, где он...

Взбешенный дерзким ответом гестаповец заорал:

— Отвечай на вопрос! Где муж?

Мария лишь пожала в ответ плечами. Говорить она не будет. Что бы ни сделали с ней эти господа, она никогда и ничего не расскажет им!

— Мы кончили, господин оберштурмфюрер, — доложил один из сотрудников. — У них здесь настоящая лисья нора — три выхода, внизу подвал. Лисья нора коммунистов.

Офицер скомандовал:

— Пошли.

Мария взяла в руку небольшую хозяйственную сумку. Белье и немного продуктов могут пригодиться... Пристальным взглядом она окинула комнату, знакомые вещи. Кто знает, удастся ли вернуться обратно?

Она шагнула к выходу. Лица соседей, мелькнувшие в окнах дома, да любопытно настороженный взгляд владельца магазина проводили ее до черного лимузина.

* *
*

Последние три месяца Нико жил припеваючи. С тех пор, как ему стали давать отдельные поручения — доставать одежду и продукты для бежавших из лагерей

военнопленных, он перестал даже появляться на работе в мастерской на Мекленбургштрассе...

Ему нравилась молодая хозяйка, у которой он поселился, и Нико не хотел уходить отсюда, несмотря на неоднократные предложения Андрея и Курта переменить квартиру. Он был неплохо одет и всегда носил с собой под мышкой футляр с чертежами, словом, выглядел настоящим инженером. Хорошее знание немецкого языка часто выручало его...

Но все-таки ничто не помогло Нико — ни советы товарищей, ни его собственные уловки. Его погубило безрассудство... За квартирой, где он жил, следили давно. Нико взяли ночью в конце июня 1944 года.

Первым об аресте Нико узнал Курт Крюгер. Андрей Черняев и Павел Сафонов, когда им стало известно об этом, скрылись. На нелегальное положение перешел и Вилли Крюгер. В сентябре 1944 года его жена и сын были арестованы.

Когда в гестаповской тюрьме на очной ставке Курт увидел избитого Нико, он понял, кто выдал его...

В секретном донесении главного управления имперской безопасности от 23 августа 1944 года указывалось, что организации Зефкова удалось установить контакт с советскими гражданами, работавшими на заводе «Эрвин Ауэрт». Видимо, от кого-то, а может быть, даже и от Нико, гестаповцам стало все-таки известно об антифашистской деятельности Куницкого, Петровича и Гусева. В цехе, где работал Сергей Петрович, в эти дни были арестованы его соседи: слесарь-лекальщик Эрвин и чех Антон Грузе. Правда, мастер после их исчезновения из цеха стал говорить рабочим, что их взяли на фронт, но ему никто не верил. Все знали, что «подозрительных» в фашистскую армию не берут. Вероятнее всего, они попали в гестапо.

Связная, посланная Вилли Крюгером, успела предупредить Куницкого об арестах товарищей, и ему пришлось временно прекратить свои встречи с подпольщиками.

Позже стало известно, что Нико умер в гестапо в результате пыток и истязаний.

После длительных, изнурительных допросов в берлинской тюрьме Курт и Мария Крюгер были отправлены в концлагерь.

* *
*

Во время общеимперской облавы, проводившейся по всей Германии, 30 мая 1944 года в руки гестапо попал Бернгард Бестлейн, один из руководителей берлинской организации антифашистов. Из подпольных листовок и печатных материалов, которые были обнаружены у него во время ареста, гестапо установило, что Бестлейн после своего побега из тюрьмы в Плетцензее установил контакт с подпольной организацией, которую они до сих пор тщетно разыскивали.

Несмотря на пытки, которым Бестлейна подвергли в гестаповской тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе, он ничего не сообщил палачам. На вопросы нацистских следователей мужественный коммунист снова и снова отвечал: «Если вам нужна тройка, так ищите ее!»

Через одного из заключенных антифашистов руководителем берлинского подполья Зефкову и Якобу стало известно о несгибаемой стойкости их товарища по борьбе. Они приняли необходимые меры безопасности и продолжали свою работу.

После того как попытки добиться признаний у Бестлейна окончились провалом, гестапо решило сосредоточить свои усилия на разгроме нелегальной организации в Берлине. Для этой цели была создана специальная комиссия имперского министерства безопасности, в которую вошли особо опытные эсэсовские чиновники и сотрудники гестапо, наделенные специальными полномочиями.

После длительных интенсивных поисков гестаповцы с помощью предателя и провокатора Рамбова проникли в организацию А. Зефкова и Ф. Якоба. Постепенно фашистские ищейки узнали о связях берлинских коммунистов с антифашистскими организациями в Саксонии, Саксонии-Ангальт и Тюрингии.

4 июля 1944 года должна была состояться встреча Антона Зефкова и Франца Якоба с представителями левого буржуазного крыла антигитлеровской оппозиции — д-ром Рейхвейном и д-ром Лебером, на которой предполагалось обсудить вопрос о сотрудничестве между коммунистами, социал-демократами, членами профсоюза и патриотически настроенными силами, готовившими заговор против Гитлера.

Но это совещание не состоялось. Антон Зефков, Франц Якоб и д-р Рейхвейн были арестованы гестапо в момент, когда они направлялись к месту встречи.

Когда гестаповцы пришли на квартиру к Эрнсту Молю, одному из активных работников подполья, то он, не желая попасть живым в руки палачей, покончил с собой.

В последовавшие за этим арестом дни гестаповцы схватили большое количество функционеров и членов подпольной берлинской организации.

Некоторые активисты и члены подполья смогли избежать ареста и предприняли энергичные меры, чтобы спасти от лап гестапо ячейки и группы в других районах Германии. Но так как связные Юдит Ауэр и Вилли Зенгер были схвачены еще в начале июля, то гитлеровцам удалось добраться до саксонских и тюрингских антифашистов.

14 июля 1944 года в городе Табарце особой эсэсовской командой был арестован Теодор Нейбауэр, руководитель тюрингских подпольщиков. При аресте он оказал сопротивление, пытался выпрыгнуть в окно, но был схвачен и подвергся жестоким пыткам. В берлинской тюрьме Нейбауэр держался мужественно, на допросе заявил, что по убеждению он марксист и всеми средствами борется за свержение фашистской диктатуры, за будущее немецкого народа. В своем последнем письме он писал жене: «Умираю с твердой душой».

В тот же день, 14 июля, был арестован в городе Готе боевой соратник Теодора Нейбауэра — Магнус Позер. Его перевезли в веймарскую тюрьму. Ночью, когда с него на несколько минут сняли цепи, Позеру удалось сбить с ног охранника, захватить тюремные ключи и бежать. Преследовавшие беглеца тюремщики ранили его пятью выстрелами во дворе, возле самой тюремной стены. Доставленный в концлагерь Бухенвальд, Магнус Позер был подвергнут длительному и мучительному допросу. «С преступниками и убийцами мне не о чем говорить», — заявил умирающий. Гестаповцам не удалось ничего узнать и от него. Позер умер от ран 21 июля 1944 года.

17 июля гестаповцы арестовали руководителя саксонской антифашистской организации Георга Шумана,

а также многих других подпольщиков. Все они были осуждены.

23 ноября «народная судебная палата» вынесла Шуману смертный приговор. Обращаясь к судьям, он заявил: «Мои товарищи и я сидим сегодня на скамье подсудимых, а вы выносите нам смертный приговор! Недалеко время, когда вы будете сидеть на скамье подсудимых и дрожать за свою шкуру!»

11 января 1945 года Шуман и его боевые товарищи были казнены в Дрездене.

Руководители берлинской антифашистской организации Антон Зефков, Франц Якоб, Бернгард Бестлейн стойко перенесли все пытки и допросы, которым их подвергли.

Один из бывших заключенных бранденбургской тюрьмы — Пауль Павловски рассказывал, что он работал служащим в тюрьме и ему довелось по приказу надзирателя помогать Зефкову собирать вещи в его камере.

«В то время, как мы поднимали койку и собирали пожитки, шепотом я сообщил последние новости с фронта, рассказал о том, что советские и американские войска впервые встретились на территории Австрии. Блестя глазами, Антон выслушал меня.

Оптимизм, вера в победу сквозили в тех словах, которые он произнес. Зефков говорил о необходимости единства рабочего класса...

Вещи были сложены. На прощание мы обменялись рукопожатием...

Антон вернулся обратно в тюрьму уже осужденным на смерть...

Я никогда не забуду его смеющихся, блестящих глаз».

В приговоре нацистского суда по делу организации Зефкова, Якоба, Бестлейна говорилось: «Они полны ненависти к нашему фюреру и государству и даже не пытались скрыть это в ходе судебного процесса. Их не переубедить, они неисправимы. Ни наказание, которое они уже отбывали ранее по обвинению в подготовке государственной измены, ни последующее заключение в концлагере не оказали на них ни малейшего действия. На пятом году войны эти люди стремились возродить компартию и развернули в этом направлении столь ак-

тивную деятельность, что она превратилась в серьезнейшую опасность для государства».

Жене Зефкова Анни один из гестаповцев сказал:

— Ваш муж, несмотря на шестилетнее заключение, никогда не переставал быть коммунистом. Он даже не испытывает раскаяния за то, что сделал...

Последние мысли Антона Зефкова были обращены к будущему Германии. В тюрьме товарищи по заключению устроили так, что Зефков смог сделать записи. Они достали бумагу, карандаш и сумели передать их ему. В эти последние дни Зефков написал два письма. В первом излагались события, связанные с его арестом, описывался шпик, проникший в организацию.

Второе позже стало известно под названием «Политическое завещание». Обращаясь к рабочему классу, Антон Зефков призывал: «Вырывайте с корнем фашизм... Создавайте свои органы власти. Будущее принадлежит пролетариату, как поднимающемуся господствующему классу... Только господство рабочего класса разрешит все противоречия, все социальные и национальные проблемы!»

«Политическое завещание» Зефкова выражало волю и призыв тех, кто вслед за ним вззошел на эшафот, — не забывать уроков истории, экспроприировать виновников войны и тех, кто несет ответственность за нищету масс. Все формулировки «Завещания» были проникнуты уверенностью, которая всегда жила в его сердце и которую он выразил словами:

«Грядущий крах Германии — это не ее гибель».

Это «Завещание» сохранилось и дошло до нас благодаря усилиям его товарищей по заключению.

После того как оно было составлено и попало в руки заключенных — членов партийной группы в каторжной тюрьме Бранденбург, они переписали его на папиросную бумагу, чтобы текст можно было сохранить и передать другим товарищам. Письмо разрезали на отдельные полосы и роздали наиболее надежным заключенным.

Однажды возникла опасность, что часть текста может попасть в руки фашистского надсмотрщика. Этот случай заставил их принять решение выгучить «Завещание» наизусть, а оригинал уничтожить. Слова «Завещания» надежно врезались в память товарищей

Зефкова. Когда пришел день освобождения, они снова восстановили по памяти полный текст.

18 сентября 1944 года Антон Зефков, Франц Якоб и Бернгард Бестлейн были казнены фашистскими палачами в бранденбургской тюрьме Гёрден.

Топор гестаповских палачей работал безостановочно. Были арестованы сотни и тысячи героев антифашистского Сопротивления. Лучшие сыны и дочери немецкого народа, иностранные граждане — подпольщики были схвачены и брошены в фашистские застенки.

В течение июля — августа 1944 года гестаповцам удалось обнаружить и разгромить многие антифашистские группы, входившие в берлинскую подпольную организацию. По далеко не полным данным, свыше 400 человек были зверски убиты в тюрьмах и концлагерях.

Гестаповским ищейкам все-таки не удалось выследить и уничтожить все группы и ячейки.

Нелегальная группа немецких коммунистов на военном предприятии «Ориенштейн и Компель» в Потсдаме-Бабельсберг еще с 1943 года тесно сотрудничала с группой советских военнопленных и рабочих, которыми руководили Анатолий Коплик и лейтенант Семен Волков.

Немецкие и советские коммунисты вместе выпускали нелегальные листовки, организовывали выпуск бракованной продукции, порчу инструментов и машин. Они создавали в лагерях военнопленных и иностранных рабочих, находившихся в Потсдаме — Бабельсберг новые ячейки Сопротивления.

Немцы всем, чем могли, помогали советским гражданам, организовывали их побег из лагерей.

Это сотрудничество продолжалось вплоть до весны 1945 года, когда Берлин был освобожден Советской Армией. В апрельские дни немецкие и советские патриоты плечом к плечу выступили против фашистов и спасли от разрушения Бабельсберг.

Выступая 30 июня 1963 года, в день 70-летия В. Ульбрихта, Н. С. Хрущев сказал: «...даже в самые мрачные дни разгула реакции дело коммунизма в Германии продолжало жить в сердцах коммунистов. Только смерть могла заставить коммуниста прекратить борьбу.

Мы, коммунисты Советского Союза, склоняем головы перед памятью немецких коммунистов, отдавших жизнь свою в борьбе с общим врагом. Их жизнь, их борьба и смерть воплотились в общую победу над фашизмом».

Верные своему интернациональному долгу, немецкие патриоты стремились спасти честь своего народа — они вели героическую борьбу против фашистской диктатуры вместе с советскими и иностранными антифашистами.

В мае 1945 года советские танки ворвались в столицу фашистского рейха — Берлин. В результате сокрушительных ударов, нанесенных нацистскому режиму и вермахту советскими войсками, гитлеровская Германия капитулировала. Германские империалисты, развязавшие кровавую войну, потерпели жестокое поражение.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ПИСЬМА

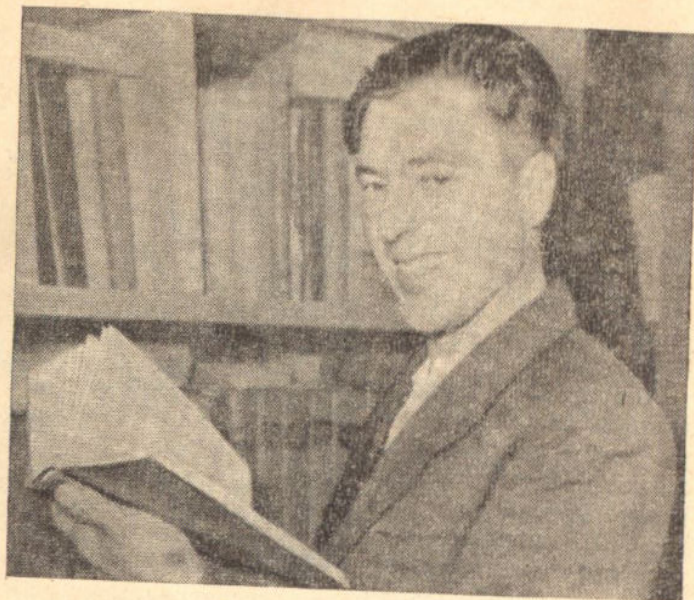
В поисках героев берлинского подполья участвовали многие. Известия приходили из разных уголков Советского Союза. Их писали родственники без вести пропавших. Но тех, которых мы так ждали, не было долго.

После публикации наших очерков в берлинском еженедельнике «Вохенпост» и «Комсомольской правде» прошло полгода. И вот наконец первые письма-отклики лежат перед нами на столе. О них мы и хотим рассказать.

Студент-геолог Владимир Истомин из города Ухта, Коми АССР, сообщил, что его отец Василий Александрович во время войны находился на Волховском фронте. В 1942 году их семья получила извещение, что лейтенант В. А. Истомин пропал без вести.

Это письмо взволновало нас... Мы переслали его в Горький Алексею Кузьмичу Писову и попросили его, чтобы он запросил у Владимира Истомина фотографию его отца. Кто знает, может быть, Василий Александрович Истомин и есть Рудольф, руководивший их группой.

Вскоре мы получили ответ из Горького. Наши надежды оправдались! В. А. Истомин и Рудольф — одно

С. И. ПЕТРОЧЕНКОВ

придирчиво проверяли документы. Все это затрудняло передвижение по городу, мешало поддерживать связь с другими районами, осложняло работу подпольщиков.

Уцелевшие члены организации берлинских коммунистов выполняли свой долг до конца — вплоть до освобождения Берлина. Из концлагеря домой вернулись Мария и Курт. После войны Вилли Крюгер выполнял ответственную работу в районе Шёнеберг, занимался вопросами создания новой, демократической власти. Полковник национальной Народной армии Крюгер много сил отдал делу воспитания молодых строителей социализма в ГДР.

Мария Крюгер сейчас на пенсии, Курт заменил отца и служит в национальной Народной армии ГДР. Их советские товарищи М. А. Куницкий, С. И. Петровичев и П. А. Гусев после войны вернулись на родину, в Советский Союз. Петр участвовал в последних боях в Берлине. Хорошо ориентируясь в городе, он помог одному из подразделений выйти к мосту через Шпрее и за участие в штурме рейхстага был награжден орденом Красной Звезды.

М. А. Куницкий до 1956 года работал в московской школе № 287, в настоящее время — пенсионер. Совсем недавно ему исполнилось 72 года.

В Москве живет и работает рабочий-электрик П. А. Гусев.

С. И. Петровичев работает механиком по ремонту сельскохозяйственных машин в селе Копыревщина, Смоленской области. Сергей Иванович не забыл своих товарищей из авторемонтной мастерской — Андрея Черняева, Павла Сафонова. Последний раз он видел их в июне 1944 года. Лишь недавно нам стали известны некоторые подробности.

О судьбе Андрея Черняева рассказал в своем письме его брат Александр Ефимович: «Первое известие об Андрее я получил в 1945 году после демобилизации из армии, когда вернулся домой — в город Духовщину, Смоленской области. Моя соседка Лейкина рассказала мне, что незадолго до моего возвращения приезжала в наш город бывшая жительница Духовщины Шордикова. Она пробыла недолго, только два дня, и уехала неизвестно куда, так как в городе у нее никого не оставалось, а дом был сожжен оккупантами. Шордикова рассказала, что во время войны она находилась в одном из лагерей для «восточных рабочих» в Берлине. К ним в лагерь на машине часто приезжал Андрей и привозил картошку и брюкву для голодавших советских людей. Андрей был очень рад, когда узнал, что Шордикова его землячка, но просил о нем никому ничего не говорить. Она несколько раз видела Черняева с товарищами, интересовалась его судьбой... После освобождения Шордикова разыскала одного из товарищей Андрея и спросила, где же он сам. Товарищ с горечью ответил, что Андрея Черняева нет — его взяло гестапо».

К сожалению, мы пока не знаем имени человека, рассказавшего о судьбе своего друга... Вероятнее всего, что один из самых активных членов антифашистской группы Вилли Крюгера — советский комсомолец Андрей Черняев погиб в застенках гестапо от рук палачей. Вместе с ним был замучен Павел Сафонов и многие другие советские патриоты.

Приходили и письма, в которых читатели рассказывали о новых, не известных ранее страницах антифашистской борьбы советских людей.